

Пишу не для мгновенной славы:
Для развлечения, для забавы,
Для милых искренних друзей,
Для памяти минувших дней.

А.В. Кольцов

Письмо моё затерялось в пути,
Где-то блуждает, не может дойти.
То не писал...
Но а теперь между нами темно:
Это туманы пришли в снега,
Это бушует большая пурга.

Антонина Кымытварь

ГЛАВА 1. ДВИЖЕНИЕ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Особое совещание постановило...

1941 год. В тюремной камере Бутырской тюрьмы темно, в ней сидит 17 человек. На улице, наверное, светло и подувает весенний ветерок. Очевидно, уже распустилась зелень. В камере одинаково:

¹ Продолжение воспоминаний Якова Матвеевича Терентьева. Начало см.: Журнал «На русских просторах» №№ 4 (39) за 2019 г., 1 (40), 2 (41), 3 (42), 4 (43) за 2020 г. Публикатор Вячеслав Зайцев.

² **От редакции:** В опубликованных в предыдущем номере дневниковых воспоминаниях Я.М. Терентьева отсутствует период с 1923 по 1938 гг. В 1938 году он был арестован по делу «военспецов», а в 1941 году был осуждён за антисоветскую деятельность на пять лет и отбывал наказание на Чукотке. В 1946 году был освобождён, полностью реабилитирован. Его воспоминания «Мои черновики. Бушует большая пурга» о жизни в лагерях написаны уже после реабилитации.

весна или осень, а также зима. Заключённые сидят в камере, окна которой закрыты деревянным щитом, хотя окна выходят во двор. Попытка заглянуть в щели грозит пулей часового.

В камере люди говорят полусшёпотом. Стоит сказать погромче, тюремный надзиратель сделает выговор. Время определяется здесь главными событиями дня, обед, завтрак, ужин.

День в камере проходит в данный период сравнительно спокойно. Жизнь здесь начинается после ужина и команды в дверное окошечко: «Спать!». Но как только кто-нибудь из заключённых задремлет, начинается вызов одного из семнадцати на допрос или вызов с вещами, и ушедший для камеры ушёл в неизвестность.

Сидящие в камере люди имеют значительный опыт тюремной жизни. Они, как правило, уже побывали в московских тюрьмах: Лубянской, Таганской и др... Однако ночью спят чутко, стоит повернуть бесшумное приспособление маленького окошечка, а это значит — последует команда надзирателя, как каждый из семнадцати готов выйти из камеры.

Так случилось в эту памятную ночь, как будто неожиданно, и впечатление, что к вам кто-то подкрадывается, открывается окошечко, все уже проснулись и ожидают, как тюремный надзиратель скомандует. А он также вполголоса, не торопясь, говорит: «На Т». Сейчас же из камеры отвечают «Тевелев?». Опять неторопливая команда: «Нет». Тогда отвечаю я: «Терентьев», и команда надзирателя: «С вещами».

Это значит, с этого момента начинается новый этап твоей жизни. Все заключённые — кто сидит, кто вскочил на ноги. Я начинаю дрожащими руками собирать вещи, а ближайший ко мне — профессор Лапиро-Скобло М. — говорит: «Если на свободу, то мой адрес знаешь».

Замечаю, как дивизионный комиссар Коль говорит от всех: «Яков Матвеевич, от всех желаю тебе счастья». Я почти готов, но каждый говорит или хочет сказать уже говоренное, чуть не сотню раз. Открывается дверь, и команда: «Выходи». Я спокойно, или показывая вид спокойствия, говорю: «Товарищи, прощайте!» и выхожу. Жители камеры остались как бы на миг в оцепенении и без старосты. Профессор Лапиро-Скобло, прощаясь со мною, ещё раз сказал: «Если на свободу...». Но я знал, что перспективы на освобождение нет: сопровождение двух охранников, как всегда молчаливых, говорило, что ведут не на свободу. Идём с этажа на этаж и из одного коридора в другой, из одного подземного перехода в другой, из корпуса в корпус.

Одолевали меня мрачные мысли. Здесь всего можно было ожидать, было тут всякое. Эти случаи обставляются секретно, но постепенно становятся явными — такова жизнь.

Наконец, приводят меня в большой зал, где за маленьким столом с одним стулом сидит человек. Он даёт моим охранникам команду «выйти». Мне же предложил подойти к столу, прочитать этот документ и расписаться, что уведомлён, и показал лоскуток бумаги. Документ был небольшой, но смысл его великий — он определял судьбу человека. В этой бумажке говорилось: Терентьев Яков Матвеевич, рождения 1897 года, русский, постановлением Особого совещания при НКВД за участие в военном антисоветском заговоре осуждён в трудовые исправительные лагеря сроком на пять лет, считая с 2 ноября 1938 года. Подумав немного, я расписался. Мне предложили пройти в следующее помещение. Выходя, я разглядел у входа вооружённого красноармейца. Помещение, в которое я вошёл, был пустым залом со скамейками, вделанными в стены по всей их длине. Я был один в этом зале. За три года я впервые в таком зале и — один. Я занял место в углу и сел.

Постановление Особого совещания меня взволновало — обвинение в участии в военном заговоре! Я о заговоре не только ничего не знал, но и не помышлял о нём. Это обвинение было ложным и надуманным авторами из Особого совещания.

Я продолжал думать. Почти двадцать лет безупречной службы в Красной Армии. Три года следствие — было около десяти следователей. Допрашивали, пытались доказать вредительство, шпионаж, участие в военном заговоре. Потом отбросили эти обвинения, предлагали подписать обвинение о потерянных секретных документах, потом один прокурор обещал освободить из-под стражи, а вот — пять лет. Куда же они меня зашлют? Неизвестно, но ясно, что не в близкие лагеря. Прошло, кажется, несколько секунд, появляется в зале второй человек, человек направляется в противоположный угол зала. Это был небритый, небрежно одетый лет сорока рыжий неразговорчивый по национальности, как потом оказалось, финн. Сидит он за военное преступление, осуждён постановлением Особого совещания на восемь лет.

А потом начали появляться, каждые две-три минуты спустя, студенты московских вузов — молодёжь. Они были осуждены тем же совещанием, были возбуждены и громко выражали своё мнение о своих сроках и «своих преступлениях». Когда их стало около двадцати, и всё ещё прибывали, один из них подходит ко мне и спрашивает: «Вы военный?». Это было видно по моей одеж-

де. Я подтвердил. «Вы тоже получили срок?». Я отвечаю: «Я награждён пятью годами в военном антисоветском заговоре». Он стремительно повернулся к сидящим стоящим и лежащим своим товарищам и обратился к ним: «Товарищи, нам лучше было участвовать в военном заговоре, за это дают только пять лет. Вот, товарищ военный за участие в военном заговоре получил пять лет, а мы за пропаганду получили восемь лет». Один из них говорит: «Пути Господни неисповедимы, дела его не логичны, доброта и кары необъяснимы».

А зал всё пополнялся молодёжью, пока не стало тесно, пока не пришёл новый человек из охраны, и он начал принимать как баранов. Сдающий начал вызывать по списку, принимающий — принимать, а потом по десять человек в сопровождении красноармейцев стали выводить и сопровождать в этапный корпус. Со мной вместе этапировался и молчаливый финн. Студенты пошли в другие камеры, и я с ними больше не встречался.

Это происходило в преддверии Великой Отечественной войны. На родину надвигалась новая беда — ужасная империалистическая война. Но ещё не окончился этап многих лет под названием культа личности Сталина. Несколько лет продолжалось бедствие от Балтийского моря до дальневосточных вод, от Ледовитого океана до южных границ нашей страны, проходило как тайфун, уничтожающий на своём пути всё передовое поколение людей, совершивших революцию. Посажены сотни тысяч, они калечились и уничтожались по всей стране. В эту огромную свалку попал и я. С лавиной людей я продолжал двигаться в так называемые трудовые лагеря.

Надежда на труд и мои раздумия

И вот начался новый период моего пребывания в заключении и моей жизни. Я и финн в этапной камере. Она была грязной без нар и без всякой мебели, стены исписаны. Видимо, через неё проходит масса народа, и стены не успевают замазать. Надписи на стенах не особенно грамотные, да не особенно удобные для произношения. Это значит — здесь пробудем несколько часов или несколько дней. В камере расположились десятка два молодых парней; видно, что это воришки и прочий уголовный персонаж. В другом углу сидели шесть человек политических вроде меня и «работяг». Категория заключённых «работяги» — это политические или по гражданским преступлениям бытовым. На языке уголовников заключённые делятся на людей, это они, и «чертей», или

контриков, — это наш брат. Эти группы всегда враждовали между собой. Уголовники всегда старались занять главенствующую роль и в тюрьме, и в лагере, и тюремная администрация это поддерживала. В начальном периоде уголовники пытались раздеть «чертей», обменять обувь или вовсе оставить босиком. Отобрать всё, что возможно, особенно продовольствие. Иногда война между этими лагерями доходила до убийства представителей того или иного лагеря. Я знал это из разговоров старичков заключённых, теперь встал вопрос об отношениях практически. В камеру привели двоих: меня и финна. Финн молча пошёл в сторону работяг, я же при входе в камеру приветствовал весь состав камеры: «Здравствуйте, друзья!». Подойдя к молодёжи, спросил: «Молодёжь куда следует»? Несколько человек недружно ответили: «Не знаем». Сначала я нашёл язык с этой группой, а потом с работягами. Продолжалась ночь. Поговорив вполголоса с ребятами, я стал укладываться спать, но сон покинул меня.

Угнетающе действовала новая непривычная обстановка, хотя «удовольствие» валяться на голом полу я испытал в Лубянской тюрьме, куда привозили заключённых на следствие на несколько дней. А некоторые здесь пребывали от одного дня до двух недель и одновременно около двух сотен человек. Пожевав сухарик, я всё же попытался спать, но сон упорно уходил от меня. Мучили невесёлые мысли, одно время я ожидал освобождения от тюрьмы. После многих судов начинали вновь следствие, и вот начала вести следствие прокуратура. Сначала прокурор обещал разоблачить меня как врага народа. Он начал следствие, обращаясь со мной грубо. Допрашивал с перерывами около трёх месяцев, но со временем он не обнаружил у меня никакого преступления. В конце концов он говорит, что к нему приходит мой отец и доказывает, что вы не виновны. Я попросил его передать отцу, что я здоров, поблагодарить за хлопоты и сказать, пусть не беспокоится. Прокурор сказал, что разрешит ему свидание, а это вы скажете ему сами.

Через несколько дней состоялось первое свидание с отцом. Отца я видел в последний раз: не дождавшись моего освобождения, он умер.

Американский учёный Франклин говорил: «Труд — отец счастья», и я около 40 лет трудился. Воевал и снова трудился. Арест и тюрьма отстранили меня от труда. Ведущим следствие давно было ясно, что они имеют дело с человеком, который никакого преступления не совершил. Они трусливо держали меня без свободы и труда, дали мне пять лет. Они трепетали перед Ежовым,

Берия, Вышинским и т. д., не осмеливаясь сказать правду, что сидит человек невиновный. Наконец, они придумали выход, послать меня в трудовые лагеря. Я уже давно свыкся с мыслью, что ещё долго мне придётся сидеть. Время ещё не созрело, чтобы я был на свободе.

Трудовые лагеря были выходом из положения. Труд — это воздух и солнце, это относительная свобода. Нужно выиграть время, мы были уверены, что время работает на нас. Труд — единственный выход из положения. Здесь я понял русского революционного демократа Александра Ивановича Герцена, который говорит: «Нет злейшего страдания, как ничего не делать». Вдумываясь, я старался успокоить себя, что еду трудиться на социализм. Но уснуть всё не удавалось. Очень много волнующих событий за последнюю неделю. Мои мысли работали, как при просмотре кинокартины. Вновь, как почти каждый день, припоминалось последнее свидание с женой — Тамарой Лаврентьевной Астаховой. Возникла в голове картина встречи. Свидание было неожиданным. Когда привели на свидание, сказали, чтобы никаких политических разговоров, кроме семейных. Встреча с женой была похожа на издевательство. Вошёл в камеру, которая была перегорожена сеткой, за сеткой представитель НКВД, а там вновь вторая сетка, за которой уже пришедший на свидание. Одновременно в камеру было допущено десять человек. Одновременно говорили от десяти до двадцати человек, нужно было кричать. Жену тоже предупредили, о чём нужно говорить. Получилось всё хорошо. Тамара держалась очень хорошо, не видно было слёз, она была спокойна, я тоже, хотя у обоих навёртывались слёзы. Приятно было, хотя бы в течение пяти минут, увидеть и услышать голос близкого человека. Но обоим было больно вспоминать эту встречу.

Эта свидание я рассматривал как сигнал к ссылке или отправлению в лагерь, что через несколько дней и подтвердилось. Нужно было уснуть. Неизвестно, что будет через несколько часов, может, повезут, может, отвезут километров через 50, а там придётся идти пешком. Нужно спать, но сон не приходит. На этот раз мысль привела меня к камере, где я пробыл больше года. Эта камера на втором этаже за номером 276. Выше, на третьем этаже, были следственные комитеты. Это я узнал не ориентировкой во время вызовов на допрос, а в окно, около которого я спал. В летний период окно было открыто, видимо, окно было открыто и у следователя, и слышен был громкий голос следователя. Слышал я прерывистый взволнованный голос следователя, и всё, что я слышал,

меня тогда очень взволновало. Невольно я думал об оставленных товарищах по камере. Каждый из них прошёл не только большой революционный путь, но и последние испытания. Мне припомнился товарищ Романовский — комиссар корпуса из Подмосквья, корпуса, знаменитого своей борьбой в Гражданскую войну. Этот был и здесь крепок; когда с ним проделывали незаконные действия, он давал отпор, почему следователь применил пистолет и прострелил ему лёгкое и что-то ещё. Он лежал в тюремном госпитале и после выздоровления пришёл в камеру. В камере побывал друг Сергей Мироновича Кирова, редактора газеты «Ленинградская правда» — товарищ Велицкий, шедший по одному делу с Постышевым Павлом Петровичем. Здесь сидел профессор Лапиров-Скобло Михаил, участник создания первого единого государственного плана развития народного хозяйства советской республики, который создавался под непосредственным руководством Ленина. Профессор был автором трудов, в частности, книги «Эдисон», у которого был лично. Здесь был также типичный украинец Коль, комиссар дивизии, это был славный симпатичный товарищ. Много побывало в камере знатных ранее людей. Был в камере № 276 американец младший, потому что старший сидел где-то в соседней камере. Отец его арестован в Ленинграде после выполнения работы по станции метро Киевская, за что был награждён орденом Ленина.

Был тут крупный мошенник, фамилию сейчас не помню, но прибыл он в камеру в новом пальто на лисьем меху и в пыжиковой шапке. Дело его очень интересно. Я читал его обвинительное заключение. Судили группу, несколько человек присудили к расстрелу. Говорили, что прокурор опротестовал это дело. Утро, я ещё не сплю, скоро будет подъём, и тут я уснул, как будто провалился. Не знаю, сколько времени спал, и команда «Подъём!». Голова не только несвежая, но болит, как пьяная, весь день мучила дремота. В камеру подбрасывают из разных тюрем, главным образом, уголовников. Состав камеры формировался, очевидно, для вагона или поезда. С утра меня серьёзно беспокоит взаимоотношение с уголовниками. С каждым часом их становилось больше, мы оставались явно в меньшинстве. Конфликт может разгореться каждую минуту. Напряжённость нарастала, потому что отдельные молодые провокаторы вели себя вызывающе. Я очень внимательно наблюдал и не мог определить, кто организует эту провокацию. Один из вожаков вёл себя очень осторожно, это был бывший бандит Васька Хмурый. Перед ним часть уголовников

пресмыкалась, но не было заметно, что он организует драку. Иногда он наиболее рьяных провокаторов удерживал.

Всматриваясь в толпу людей, я никак не мог определить, кто тут верховодит уголовниками. Они имеют свой закон, свой язык, свои обычаи и довольно строгую дисциплину в своей среде. Я подсел к Хмурому и начал с ним разговор, не знает ли он, в какой лагерь повезут. Он ответил, что не получал такой информации: «Гонят людей из наших на Печору и на север Урала». Он расспросил меня, давно ли я сижу и за что осуждён, он был уже осведомлён, что я был в Красной Армии. В этом разговоре я ему высказал желание воздержаться от драк и конфликтов и сказал, что, по моему мнению, нужно избрать старосту камеры, я предложил бы его кандидатуру. Мне показалось, что это ему польстило, но он отказался. Тогда я предложил ему наметить, кто бы мог быть старостой по его мнению. После обеда я предложил выбрать старосту в камере. Избран был Хмурый; очень не скоро и далеко на Чукотке оказалось, что настоящая его фамилия Новиков. Наметился порядок, стало меньше провокационных выкриков, и всё время пребывания в этой камере было относительно спокойным. В камере стало тесно. Наконец, на пятый день послышалась команда: «Приготовиться всем с вещами». Через час начали передавать заключённых конвойной команде. Каждого вызывали поимённо, и он должен был назвать фамилию, имя, отчество, год рождения. Выводили поодиночке и сажали в открытую машину, на которой крупно краской нарисовано слово «Мясо». Автомобиль нас доставил на Казанский вокзал, что на Комсомольской площади Москвы. Тут водворили в специальное помещение для заключённых. Но движение началось.

В дальний путь

Французский писатель Дюма (отец) писал: «Злословие и клевета не имели бы такой силы, если бы глупость не пролагала им путь».

Действительно, клевета в период культа личности пустила глубокие корни. И по скромным подсчётам компетентных органов в этот период пострадало более 650 тысяч советских людей, которые стали жертвами того времени. (Не считая травм семей, родственников и друзей). В 1941 году клевета продолжала гнать людей по тюрьмам, тюремным вагонам и лагерям. Клевета не была приемлема ни для Ленина, ни для партии коммунистов, однако Ежов и Берия взяли её себе на вооружение. Клевета, уже

и отвергнутая, будет существовать ещё десятилетия для многих руководящих людей, как пережиток в сознании людей прошлого. Тюремная администрация тех лет для некоторых категорий заключённых скрывала, куда их везут, сколько ждать посадки, сколько часов в данное время. На это получали ответ: «Вы живёте вне времени!». То, что нас привезли на железнодорожный вокзал, скрыть было нельзя. Теперь стало известно, что повезут нас в казанском направлении.

Помещение, куда нас привели из тюремной автомашины с надписью «Мясо», было ещё хуже пересыльной. Оно было без окон, грязное, надписи на стенах были грязнее, чем в уборных. Сюда, видимо, начальство не заглядывает, и вся обстановка здесь, видимо, не без цели: видимо, проходящие здесь тысячи людей должны понять, что они должны постепенно потерять моральный облик людей. Часа через три или четыре послышалась команда: «Выходи». На улице нас ожидал вооружённый эскорт, человек двадцать или тридцать с собаками. Начальник эскорта предупредил, что в заключённого, сделавшего шаг вправо или влево, солдаты будут стрелять без предупреждения. Двинулись. Вели нас какими-то закоулками, оцепленными милицией. Наконец, появились составы поездов, стоящих на месте, двигающихся. Навстречу нам двигался пригородный поезд. Команда нам: «Ложись!». Мы легли лицом вниз, моё настроение было подавленное. Я видел вооружённых людей, они с серьёзным видом вели нас. Меня окружают заключённые, их было человек сорок, некоторым из них не было и двадцати лет от роду. У меня мелькнула мысль: «Вот идёт поезд, и через две-три минуты нужно преодолеть два шага. Я буду мёртв и покончу с жизнью». Но молниеносно возникла другая мысль: «Как оценят дети мой поступок, не сделают ли вывод, что я действительно совершил преступление. И у меня не было другого выхода, как покончить самоубийством». Поезд прошёл, простучал грозно своими колёсами, по команде «встать» встали и пошли дальше. Мне стало стыдно минутного своего малодушия.

Где-то в глухом тупике стоял арестанский вагон. Нас по 12 человек помещали в купе-камеру. И мы по четыре человека на полати занимали свои места. Купе закрывалось на замок. В каждом купе было небольшое окно, оно было закрыто, и от нас видна была узкая полоска пространства. В камеру не проходило снаружи никаких звуков, в том числе трансляции радио. Вечером наш вагон прицеплен был к какому-то поезду. Вероятно, близко к полуночи двинулись в дальний путь. Видимо, наш вагон был прицеплен

к почтовому поезду, он останавливался почти на каждой станции. Позже оказалось, что мы следовали по маршруту: Москва — Муром — Арзамас — Казань, куда мы приехали через сутки, проехав первые 850 км. Ехали мы полуголодные в страшной тесноте, особенно днём в своём железном ящике.

В Казани в 1897 году в рабочей семье родился я. С Казанью же я связан детскими воспоминаниями. Мог ли я подумать в то время, что в расцвете лет я прибуду в тюремном ящике при столь почётной охране. Несколько часов наш арестанский вагон стоял среди грузовых вагонов. Заключённые надеялись, что их отправят в Казанскую тюрьму с последующей переотправкой на лесозаготовки. Надеялись, что только до утра нас оставили в вагоне. Было далеко за полночь, большинство не спало, разговор шёл о Казани.

На меня тоже нахлынули воспоминания о маленьком домике на Адмиралтейской улице за номером четыре, бывшем тогда на окраине Казани. Домик принадлежал моей тёте Аннушке. В нашей семье всегда Анну звали ласкательным именем. Она была женой мастера железнодорожных мастерских. Он был уже давно арестован за участие в революционной деятельности. Сослан в Сибирь и там умер. Аннушка осталась с большой семьёй. Её старшая дочь Мария была работницей на текстильной фабрике, она продолжала революционную деятельность, её нередко навещали жандармы, иногда её уводили, а через некоторое время она возвращались. Сыновья Аннушки Михаил, Молофей и Яков работали на заводах. Я за последнее десятилетие потерял связи с этой замечательной семьёй, но всегда с восхищением вспоминал об этой замечательной семье. Очень жаль, если кто-либо из них сейчас двигался в арестантском вагоне.

Молодой уголовник тем временем с жаром рассказывал своему товарищу, как он вскочил в автобус и улепётывал от милиции. Мои мысли переключились на казанскую конку, на то, как мы с отцом ходили у казанского сада, куда нас не пускали, и слушали военный оркестр. Думал, думал и неожиданно уснул. Проснулся от движения вагона, оказывается, мы поехали дальше на восток. Ехали сначала медленно, а потом всё быстрее. Тот, кто хотел попасть на казанские лесозаготовки, был разочарован.

Вскоре послышалась команда «Подъём!». Стали в уборную выводить по четыре человека. По окончании сего нам выдали по куску хлеба, по чашке так называемого чая, к нему по два кусочка сахара и на несколько человек по небольшой банке консервов — это на день. По окончании небогатой трапезы большинство аре-

стантского коллектива начали приставать ко мне: генерал, расскажи что-нибудь нам. Я забыл сказать, что у меня сложились хорошие отношения с уголовниками и работягами. Я попал на средние полаты, и по одну сторону один из политических «беспартийный опытный строитель Дородницын», а на другую — уголовник, парень, которому не было и 20 лет, но имевший, по его словам, три судимости за кражи. За ним ещё один уголовник с первой судимостью. Ещё были полаты ниже и выше наших, на них тоже лежали по четыре человека.

В различные периоды моей жизни я был пропагандистом и лектором, и тут тоже начал превращаться в рассказчика. В течение многих лет я по ночам учился и много читал. Накануне этого дня, чтобы отвлечь внимание уголовников и не заниматься обороной от них, привычных к насилию, я начал разговор с парнем, имевшем три судимости, и рассказывал ему разные случаи из жизни. Это его увлекло, и сегодня просит рассказывать для всех. Никогда не думал, что интересую уголовников.

Я начал их спрашивать, какая их интересует тема. Говорят, любая. Что рассказать? Любимый мой писатель Горький, а из его вещей больше всего нравится «Враги». И предложил им рассказать это произведение, но большинство не имеет и представление об этом. Итак, лекторий; три этажа меня ждут, занимают трибуну, чтобы было слышно в условиях железнодорожного вагона, да ещё арестанского. Я начал. Чем дальше шёл рассказ, тем больше росло напряжение слушателей. Даже мой Дородницын говорит: «Как Вы хорошо помните». А я в Бутырской тюрьме только что перечитал. Каждый час я делаю перерыв на десять — пятнадцать минут. Ещё не кончается и десяти минут, а меня уже торопят продолжать рассказывать. Часа через три моё горло начинает сохнуть, хотя я по маленькому глотку воды принимал. Я никогда так много не говорил — часов пять-шесть. Наконец, я объявляю перерыв до завтрашнего дня. Мы с каждым часом от Москвы всё дальше. Моя семья узнает, что меня нет в тюрьме, только через десять дней после отъезда из Москвы. Что нет меня в Москве, они узнают тогда, когда жена Тамара обойдёт все тюрьмы, постоит в каждой тюрьме в очереди, чтобы приняли денежную передачу тридцать два — тридцать восемь рублей. Не примут и через несколько дней, когда подойдёт срок для новой передачи, кстати, денег от передач скопилось около тысячи рублей. Я расходовал деньги с расчётом, что жене эти деньги даются очень тяжело при наличии четырёх детей. К сожалению, она этих денег не полу-

чила, не получил их в лагере и я. Думаю, что их кто-то получил в карман.

Куда направлен, ни одна тюрьма нашей категории справок не давала. Мы тоже не можем сообщить своим родным. Впервые одному заключённому удалось прочитать название станции, куда мы приехали к вечеру этого дня, — Агрыз. Один заключённый дал справку, что недавний посёлок стал городом и районным центром и что станция узловая. Через несколько часов поехали дальше, а я только вечером понял, как утомился от рассказа. Следующий день прошёл подобно вчерашнему: я рассказывал окончание романа. Наступает новая ночь, поезд идёт медленно, часто останавливается, дольше стоит, чем двигается. Мучают грустные раздумья. На следующий день прибыли в Свердловск. Опять наш вагон загнали в тупик, где простояли весь день. От Казани мы проехали, кажется, 848 км. А всего от Москвы 1721 км. Только к вечеру доставили нас в Свердловскую тюрьму.

«Ну, вот и Свердловск...»

С каким-то восторгом эти слова произнесены одним уголовником. Я спросил его, чему он обрадовался. «В этом собачнике чуть не задохнулся, я уж не думал доехать. Тут, наверное, нас куда-нибудь переведут», — ответил молодой человек. Действительно, атмосфера в наших ящиках была удушающей.

В этом городе я был несколько раз. Работал командующим частями особого назначения. Здесь было ликвидировано немало банд, оставленных колчаковцами. Об Урале и его рабочем классе много мне рассказывал один из бывших горных начальников Урала, а в советское время консультант Высшего совета народного хозяйства, позднее военный изобретатель, имевший большую лабораторию на заводе «Прогресс» в Ленинграде, кавалер ордена Ленина — Павел Константинович Георгиев. Он один из многих жертв культа личности.

Свердловск назван в честь выдающегося организатора и строителя коммунистической партии и советского государства Якова Михайловича Свердлова. Я имел честь вести с ним разговор в 1918 году в Москве на совещании по военному обучению и формированию красноармейских частей. Обо всём этом и другом я думал, находясь в арестантском вагоне и в закрытой автомашине, когда везли нас по городу Свердловску к тюрьме. Везли нас в переполненном автобусе (действительно, набитом как селёдок в бочку) и поместили в переполненной арестантской камере. Тут было

много уголовников, было и немало военных, осуждённых на разные сроки по политическим мотивам. Они меня приняли на верхние полаты.

Привезли нас после ужина заключённых, и остались мы без ужина. Бывшие военные собрали из своих сбережений: кто кусок хлеба, кто небольшой кусочек сахара, галету и угостили меня. Оказалось, что ряд товарищей меня знал по долголетней службе в Красной Армии, конечно, они стали спрашивать о московских новостях. Но я мог рассказать о событиях трёхлетней давности. Спать лёжа не хватало места, но военные устроили мне место для отдыха, остальные спали сидя.

Утром мы получили свои пайки хлеба, по два кусочка сахара и приварок. Нас, вновь прибывших заключённых, поместили на четвёртом этаже. Окна не были забиты досками, решётка не мешала обзирать немалые территории города. Я разглядывал её, стараясь увидеть знакомые мне улицы города, которые неплохо знал 20 лет назад. Но города я не узнал. В свердловской тюрьме мы пробыли трое суток, на третий день вызвали нас — человек двадцать и объявили, чтобы мы были готовы с вещами. Вызов мы получили после обеда. Почему-то оставили инженера Дородницына и часть уголовников, в том числе и уголовника с тремя судимостями. Уголовника с тремя судимостями звали Олегом Омельнченко.

Вывели нас во двор, посадили в автобус и куда-то повезли. Привезли нас в тот же тупик. Но нашего арестантского вагона не было. Стоял большой товарный состав, я насчитал более 40 вагонов. Посадили нас в один из двухосных вагонов, специально приспособленных для перевозки заключённых. В этих вагонах мы простояли два дня с частями конвойной службы. Оказывается, формировали целый состав поезда с заключёнными. Кто-то из заключённых сказал, что повезут в составе около трёх тысяч заключённых. Перед отправкой поезда в нашем вагоне было более шестидесяти человек.

В вагоне были устроены из досок нары, по правую и левую стороны нары в четыре этажа. Посередине вагона ничего не было, и тут на полу и под нарами располагались люди, не оставалось ни одного сантиметра свободной площади. Но, как положено, в товарном вагоне было четыре окошка с решётками, через них проходил свет в вагон, но со вторых полатей обозревалось некоторое пространство. Я был на верхних нарах и мог просматривать некоторую территорию. Куда направляют нас и куда следует поезд, нам, конечно, не объяснили.

В ПУТИ

Свердловск — Тюмень — Новосибирск

Как уж извивается наш поезд по склонам Уральских гор, поезд наш с людьми, находящимися в заключении. В поезде немало преступников, но многие люди претерпевают не только физические неудобства, но и много моральных унижений, и ни в чём не повинны. В поезде, говорят, более двух тысяч человек, кроме большой охраны. И среди охранников есть люди, которые не утруждают себя мышлением. Если бы он вёз скот, то беспокоился, чтобы он не окошел. За это отвечают. А вот о человеке заботы нет, если он не бежит и не застрелен при побеге. Теперь ясно, что везут нас очень далеко, иначе не нужно формировать такой поезд. Говорят, что нас везут на Колыму. Довольно сложно двухтысячную ораву напоить и накормить при строгой изоляции заключённых. Путь, который мы должны проехать в поезде, большой, около 9000 км. В России, а пожалуй, во всём мире, этот железнодорожный путь самый большой.

Когда я был помощником начальника строевого отдела Сибирского военного округа, я нёс ответственность за охрану этой дороги. Охрану специальными войсками дороги, мостов, тоннелей я проверял на пути от Свердловска до Владивостока несколько раз.

В город Камышлов приехали в конце мая 1941 года. В этом городе я был в 1922 году с трёхдневным инспекторским смотром подчинённого мне полка особого назначения. Помню, с удовлетворением отмечал хорошую боевую подготовку и дисциплину состава полка.

На другой день мы ехали по Тюменской земле. Я опять вспоминал невысокого плотного выносливого человека, боевого партизана Гражданской войны товарища Галенкина. Он командовал частями Тюменской губернии, и мы частенько помогали друг другу в ликвидации банд, оставленных Колчаком. Позднее он был начальником милиции Ленинграда.

Как и в Москве, в нашем вагоне встал вопрос о наших отношениях с уголовниками. Они заняли сравнительно хорошие позиции: одну сторону вагона. Верхние полаты заняла их аристократия. Началась карточная игра между ними. Видно было, что игра идёт азартная. Сначала они проигрывали своё, что имели, потом проигрывали продукты. Потом они начали проигрывать сапоги одежду, котомки, и всё, что им понравится с «чертей», то есть наши вещи и одежду. Возникла опасная ситуация. На нашей по-

ловине было несколько военных, один моряк и несколько рабочих, готовых дать бой уголовникам. Большинство же заключённых, располагавшихся под нарами и на полу, были нейтральными, готовыми отдать последнюю рубашку.

В полу была пробита щель для естественных надобностей. Рядом получали продовольствие. Оно было небогатым, но нужно было принимать ящики: народу в вагоне было много, а охрана готова была открыть огонь при малейших эксцессах. Дефицитной была вода, всегда нас сопровождал в вагоне голод и нехватка воды. Продукты выдавались, как правило, на два дня, а заключённые съедали их, как правило, за один день. Второй сидели голодные. Считали, что сегодня не съешь, ночью украдут. Поэтому лучше съесть. Воришки, как мыши, залезали и обкрадывали товарищей по несчастью.

Нужно сказать, что уголовники ко мне лично насилие не пытались применять, кроме одного случая, о котором я расскажу в своё время. Я пользовался у всех каким-то авторитетом. Или мы несколько человек были хорошо организованы, особенно мы, коммунисты исключённые. Мы пайку делили на три еды в сутки. Старались это не демонстрировать, когда люди были без пищи. Всегда кто-либо из нас не спал.

Чтобы быть организованными в вагоне, по моему предложению выбрали старосту — того же я предложил в этапной камере в Москве. Хмурого Олега — Новикова. Он располагался у себя в окружении, как говорили наши товарищи, шпаны. Со мной он советовался по разным мероприятиям в вагоне, спрашивал моё мнение. Я старался давать советы незаметно от его друзей, мы назначали каждый день дежурного, который ведал водой и прочими делами. Выбрали группы из двух уголовников и наших принимать продукты и воду.

Я был всю дорогу рассказчиком. Каждый раз я начинал с сатиры, хотя и не был никогда сатириком, но вспоминал какие-нибудь сатирические рассказы, а потом на час или два более серьёзные. Рассказывал Горького «Егор Булычѳв», Чехова, Свифта «Путешествие Гулливера», Бальзака «Человеческую комедию» и многое другое. Аудитория была благодарная и в своих кружках долго обсуждала рассказанное.

Примерно через сутки мы проехали Тюмень, а ещё через сутки приехали в Ишим. Я задним числом распрощался со своим другом Галинкиным. В Ишиме был праздник, здесь нас снабжали провиантом и водой. Ещё примерно через сутки мы приехали в Омск.

В Омске я был после освобождения от Колчака и после этого много раз. Город был тогда грязный, часто дули пыльные бури, и Омск дышал пылью. Здесь я был назначен в Ново-Николаевск³ после нападения на поезд председателя ВЦИК Калинина М.И., банды были ликвидированы. Вот мы уже полмесяца в пути и с пересадками 2300 км и прибыли в Новосибирск. В этом городе я был командующим частями особого назначения, этот город памятен мне встречами с С.В. Косиором, М.М. Лашевичем, Г.Х. Эйхе, помглавкома Н.Н. Петиним, командующим войсками Эйдеманом. Приятно было с ним работать. Был там приятель комкор Я.П. Гайлит, полномочный представитель ГПУ И.П. Павлуновский и много других. Мы уже ехали к Красноярску, а я всё вспоминал.

Красноярск — Хабаровск

С болью в сердце мы покидали Новосибирск. Наш поезд медленно и неуклонно двигается на восток. Жизнь в вагоне продолжается: вот четыре коммуниста, все они враги народа, не сговариваясь, поселились вместе и всегда рядом. Они не ждут директивы, они советуются, как при острых ситуациях поступать. Они ненавидят воровство, насилие без нужды, они называют уголовников между собой «шпаной», но они за мирное существование. Они не сидят, не ждут милости от «шпаны», а сами толкают их, иногда один из них даёт по морде, но делает это, когда это неотвратимо, и делает это тактично. Другой при очередном рассказе и после какого-либо случая на весь состав вагона высмеет того или иного из компании жуликов.

Вот Власов, он военный механик по самолётам, хотя сейчас не похож на него. Это парень из деревни, он коммунист, но это знаю я и двое ещё. Он белорус из одной старой деревни, правда, эта деревня называется колхозом, но мало чем отличается от старой деревни. Советская власть дала возможность окончить парню семилетку, потом пошёл пастухом, время пришло — пошёл в Красную Армию. В армии попал в авиацию, где усердно овладевал всем, что тут преподавалось. Было трудно, но он добился и попал на курсы. Стал лейтенантом. Служил. Несколько лет не был дома, а из дома получал невесёлые письма. Туго, не везде сразу прививалось колхозное дело. Поехал в отпуск домой помочь старому отцу, но помощи оказал мало. Пошёл в колхоз в сельсовет, но те не готовы помочь — не из чего. Приехал из отпуска в свою авиачасть и без цели,

³ Ново-Николаевск — название Новосибирска.

по-простому, рассказал своим товарищам о тяжёлом положении в деревне. Тут всё и началось, кто-то из товарищей поделился печальным положением отца Власова. Вызвал его уполномоченный, арестовал, судили. Суд послал дело на следствие. Через полгода особое совещание при НКВД — осуждён на восемь лет за антисоветскую агитацию. Вот теперь деревенский парень едет рядом, а с ним рядом в кожаном пальто сидит коммунист генерал. Он спокоен, сидит не один, таких много, вот если бы один — у него была бы трагедия. Он горд, что в партию его приняли в части.

Костюк сидит рядом с Власовым. Они разные люди. Коммунист, сын рабочего, украинец, был в армии, в армии проявился его талант художника, пришёл из армии, поступил на металлургический завод, там в клубе стал развивать свой талант. Писал плакаты, на одном плакате оказалось исправленное слово, которое исказило смысл лозунга. Получил тоже через особое совещание восемь лет.

Гончар — коммунист, сын рабочего, сам был рабочим, попал в военно-морской флот и там застрял, был в войну бойцом Красной Армии. Он живой умный массовик. Это он тактично смазал уголовнику за то, что тот хотел украсть пайку хлеба в вагоне. В вагоне лежим на нарах вместе и рассказываем друг другу о своей семье.

За три года нахождения в тюрьме приходилось видеть, что арестантами были в основном коммунисты. Там они были дружны, поддерживали друг друга морально, избитых лечили, кормили и готовы были отдать последнее. Сражались в камерах с провокаторами, которых, очевидно, подсаживали. Я помню — в тюремной камере был один по фамилии Краспёров, который провоцировал заключённых при беседах. У нас доходило до мордобития. Этот случай был не единственным.

К Красноярску едем несколько дней. От Красноярска до Новосибирска 1179 км. Красноярск известен как Красноярская республика — республика рабочих в 1905 году. Республика существовала героически, окружённая внешними и внутренними врагами. Просуществовала она около месяца, с декабря 1905 по начало января 1906 года. Героическую борьбу вёл рабочий класс под руководством большевика М.С. Урицкого. Мне об этой эпопее рассказывал подробно мой приятель П.Е. Щетинкин, который начинал свою партизанскую деятельность с Ачинского района этой губернии. Город Красноярск Енисейской губернии был местом ссылки политических, в село Шушенское был сослан в год моего рождения

В.И. Ленин на три года. Енисейская губерния была богата ссыльными, здесь побывали Дзержинский, Орджоникидзе, Сталин и многие другие. Почти в каждом селе или деревне были ссыльные. С развитием капитализма здесь развивался и креп рабочий класс. Под идейным влиянием Ленина здесь формировалась боевая организация РСДРП. В Красноярске установлена советская власть в конце 1917 года. Но уже в январе 1918 года здесь возник мятеж местного казачьего атамана при помощи иностранных консулов. Но он был подавлен рабочими и местными гарнизонами солдат.

В июне 1918 года Красноярск был захвачен чехословацкими мятежниками. Рабочие ответили на мятеж партизанскими действиями, где активно участвовал мой товарищ Щетинкин. В начале января 1919 года Красная Армия освободила Красноярск и была восстановлена Советская власть. В последующем в городе были построены сотни заводов, фабрик и культурных учреждений, об этом я рассказал в своей аудитории заключённых в своём вагоне. На пятые сутки отъезда из Новосибирска мы прибыли в Красноярск. Здесь мы простояли около суток. От самого Свердловска нас ни разу не выпускали из вагонов. Красноярск нас порадовал: объявили нам — собираться в баню. Мы радовались, как дети, хоть несколько минут подышим воздухом, разомнём мускулы, отмоем вагонную грязь. Ведь мы больше десяти дней сидим в ящике, набитом, как сельди в бочке.

Особенно мы радовались бане. Некоторые товарищи в городе и деревне не понимают, что это за прелесть — баня. Многие люди не понимают, что это такое горячий и влажный воздух бани, который вызывает обильное потовыделение, и после человек как будто только народился на свет. Я оценил баню ещё в окопах Первой империалистической войны. Не случайно ещё печорские монахи устраивали бани при монастырях, в так называемых заведениях для неимущих, кто-кто, а монахи понимали толк в банях. Придя в баню под конвоем большого отряда с солдатами, мы были озадачены, куда нас привели. Привели в какой-то гараж или бывшие мастерские, где только что повытаскивали станки. Разделись, вошли в помещение, всё залитое грязной водой, там не только не было парилки, но мы не поняли, была подогрета вода или нет. Так мы в бане помылись. Жаль, что бельё нам не обменяли. Долго заключённые вспоминали красноярскую баню, проходили её тысячи заключённых.

Итак девятнадцать суток позади. Проехали 4 407 км, тронулись дальше на Иркутск. Едем день-два и, конечно, при суще-

ствующей тесноте не без ссор и конфликтов между заключёнными, в которые приходилось вмешиваться. Уголовники пытаются решить силой — кулаком. Как только начинается кулачный бой, мы включаемся в пресечение. Кажется, на второй день доехали до Черемхово. Это знаменитый Черемховский угольный бассейн. Там уже в то время имелся ряд промышленных предприятий.

Здесь, к нашему удивлению, решили покормить нас обедом. Это событие для вагона — кормят горячим обедом не каждый день. Открывают дверь — и это уже событие, все заключённые приходят в движение. Правда, не очень-то приятно, что перед вагоном стоит, оцетинившись штыками и собаками, отделение — человек пятнадцать-двадцать, но мы уже в какой-то степени привыкли. Но мы рады, это хотя бы воздух и общение с внешним миром. Здесь происходит выдача хлеба, в бочонках или больших кастрюлях суп, каша, в мешках сахар. Когда пришли за посудой, староста заявил, что у нас двое тяжелобольные. Зашёл врач или фельдшер и осмотрел больных. Когда пришли второй раз за посудой, то забрали из вагона больных. Начали устраиваться в горизонтальное положение, и раздаётся размышление вслух — ах, хорошо бы сейчас пообедать.

В вагоне всё ещё вспоминали красноярскую баню, так называемую баню. Конечно, при всех отрицательных обстоятельствах баня сыграла и положительную роль, не считая двух случаев заболевания заключённых. Как-никак, мы около часа разминались, дышали свежим воздухом, поплескали на себя холодной водой. Но, конечно, в мирное время и если бы нас рассматривали как рабочую силу, то сочли бы, что баня организована вредительски. Мы проезжали по красивым местам, правда, не всё могли видеть. Вчера вплоть до Иркутска я своим туристам рассказывал часа два о последующих операциях Красной Армии после разгрома колчаковской армии на Урале и восстановлении советской власти. Рассказывал о том, как там организовали восстание рабочие и солдаты под руководством П.П. Постышева. Их поддержали партизанские отряды, преобразованные большей частью в войсковые части. Они схватили Колчака и его правительство во главе с премьер-министром Пепеляевым, которые в начале февраля 1920 года были казнены.

Сегодня я рассказывал о городе Иркутске. С утра меня спрашивали, о чём я буду рассказывать. Я видел желание своих слушателей, чтобы я скорее начинал рассказывать. Об Иркутске я говорил, каким я его видел и знал из рассказов Щетинкина П.Е. и других партизан. Я обыкновенно начинал беседу после того, как

заключённые проснутся, побываюут в туалете, поедят — у кого что есть покушать или, как здесь говорили, «пожевать», — обменяются новостями: главное, кто что видел во сне, и что не мог уснуть и что ему мешало.

Я рассказывал об Иркутске, о подземных богатствах, о пушном промысле и оленеводстве. О близости национальных автономных областей, о близких путях в Монгольскую народную республику и Китай. О прекрасной реке Ангаре, которая делит город на две части, о близости огромного озера, создающего в районе прозрачность воздуха, отчего солнечное сияние ярче, чем в любом другом городе Союза. Иркутск основан около 300 лет назад, в царское время город и область были богаты тюрьмами для политических. В 1905 году было восстание, позже здесь вёл революционную работу С.М. Киров. В 1917 году и в последующие годы здесь проходили события исторического значения. В декабре победила

Сергей Лазо
(1894–1920)

и провозглашена советская власть. В декабре рабочими солдатами подавлен мятеж юнкеров. В конце декабря 1917 года созванный первый съезд советов образовал ЦИК Сибири во главе с Н.Н. Яковлевым. В феврале 1918 года в связи с наступлением белогвардейцев и японцев ЦИК Сибири ушёл в тайгу, где организовывал партизанские отряды. После длительной борьбы и гибели многих партизан и партизанских командиров, в их числе прославленный Сергей Лазо, пятого января 1920 года была одержана победа.

Прошло ещё пять-шесть дней пути, пути тяжёлого, пока мы прибыли в Иркутск. Заключённые тяжело перенесли этот этап, сзади ещё 1271 км, а всего двадцать дней пути и 5678 км.

На Читу — Хабаровск

В Иркутске нас долго не задержали, в спешном порядке дали нам воду, хлеб и кое-какие продукты, и мы поехали дальше на Читу. В этот день я начал говорить о Байкале. Как только я начал говорить о горном озере, один заключённый запел песню:

Славное море, привольный Байкал,
Славный корабль — омулёвая бочка,
Ну, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалёчко...

Эту самодеятельность поддержали несколько человек, в том числе и я. Первую мелодию вели несколько человек, неплохо пел наш бывший моряк. Со второго куплета запел весь состав вагона. Мне казалось, горемыки вагона видели себя в роли беглеца, пели грустно и восторженно. Я рассказал, что так восторженно спетая песня называется «Думы беглеца на Байкале», а написал её поэт Давыдов Д.П. в начале 19 века. Родился автор в Ачинске Енисейской губернии. Правда, это стихотворение было изменено и в изменённом виде стало популярной русской песней.

Потом рассказывал о богатствах Байкала, о поселениях здесь декабристов и петрашевцев, о жестоких боях Красной Армии и партизан против Колчака. Так доехали до станции Слюдянка, где решили нас накормить обедом. Угощали нас рыбным супом, который чем-то припахивал, но рыбы в нём, можно сказать, в избытке, и съели мы его без остатка. В Слюдянке мы простояли целый день, хотя мы стали путаться во времени, в связи с изменением часовых поясов времени.

В последние дни настроение не только у политических, но и у уголовников резко упало. То и дело после наступления темноты раздаётся мурлыканье и тихое пение грустных песен. Чаще всего запевают «Узник» А.С. Пушкина, «Песня узника» Ф.Н. Глинки, «Узник» М.Ю. Лермонтова. Поют медленно, заунывно. И думается — ради чего необходимо это? А поезд едет дальше и дальше от Москвы. Уже около шести тысяч километров проехали, как заживо погребённые. И текут, и текут мрачные мысли и не только о своей печальной участи, а всех нас беспокоит семья. Думаю, за что страдают жена и дети, отец, мать, братья и сёстры, родные и друзья. Многие из них хорошо понимают, что не может быть врагом народа человек, который почти двадцать лет изо дня в день боролся за дело Ленина, партии. И вдруг он «враг народа»? Кому это нужно?

После оказалось, что как только меня арестовали, так большую семью из трёх комнат переселили в одну. Конечно, мы жили скромно, но была библиотека с литературой технической, необходимой для инженера: политическая коммунистическая литература была необходима мне — коммунисту и пропагандисту. Была литература для детей, а их у меня было четверо. Покупали любимую классику, расходовали на неё каждый свободный рубль. Кто-то всё это бесцеремонно выбросил, как мусор.

Через неделю моей семье предложено было перебраться в ещё меньшую комнату в другом корпусе. Ещё через некоторое время предложено покинуть военный городок без представления пло-

щадя. Жена принуждена была перебраться в деревню к моему отцу. В это время сын Спартак был секретарём комсомольской организации, Мэлик был представителем от учащихся в педагогическом совете школы. Поезд двигался с каждой минутой на восток, а мрачные мысли плелись одна за другой. Сегодня и ещё несколько дней я рассказывал о декабристах, о подвиге жён декабристов, добровольно последовавших на каторгу.

Кстати я расскажу, какое впечатление на нас произвела Таганская тюрьма, превращённая из уголовной в политическую. Это было в 1939 году, в период расцвета культа личности, набито нас было в камеру, как сельдей в бочку. Кто-то пронёс книжечку Н.А. Некрасова «Русские женщины». Человек читал потихоньку эту книжечку, а мы — несколько десятков мужчин — плакали, как дети. Это было тогда, когда женщины (жёны многих из находящихся в камере), арестованные по репрессиям, помещались в нижнем этаже, они плакали и кричали. Видимо, поэтому так нас расстроила книжечка Некрасова.

Закончил я свой рассказ о декабристах ответным стихотворением Одоевского со словами «из искры возгорится пламя» — А.С. Пушкину. А В.И. Ленин говорил: «Их дело не пропало...».

Заметно стало, что поезд стал редко останавливаться, и скорость его увеличилась. Через три дня мы были в Чите, но Читу мы «проспали», так как были там в ночное время. От Иркутска до Читы проехали 1106 км, а от Москвы до Хабаровска пути нашего этапа будет 8970 километров.

Заметное уныние заключённых ещё более угнетало и меня, и я решил изменить форму моей беседы. Я решил как эксперимент провести дискуссию на тему, которая мне близка и которую я хорошо знал.

Продолжение следует

ОТ РЕДАКЦИИ:

13 января 2021 года от коронавируса скончался Вячеслав Зайцев, историк, краевед, автор нашего журнала, предоставивший в распоряжение редакции рукопись воспоминаний Якова Матвеевича Терентьева и некоторые другие материалы.

Выражаем глубокое соболезнование коллегам, друзьям и родным Вячеслава.

